Александр ОРЛОВ:

Стихи Олега Будина являют чудо обретения мудрости человеком, прошедшим перекрёстки испытаний. Этот период умудрения невозможен без честного отношения к самому себе, что так явственно отображено в его стихах. Стремление к гармонии, нравственному совершенству вызывает чувство сопротивления злу, это противостояние словом не оставляет автора ни на минуту, оно пробуждает в нём душевную и духовную заботу обо всём, что его окружает. Философские вопросы, рождённые жизненным беспокойством, он разрешает при помощи духовного опыта, который передаёт в стихах.

И Я, ОБЫЧНЫЙ РУССКИЙ НИЩИЙ…

* * *

Церковный треск святых свечей,
Земных свечей из плоти воска.
Нет волшебства ни у врачей,
Ни у икон – всё очень просто.
Не победит святой оплот
Мою земную паранойю:
Иссякла жизнь, уходит плоть –
Земное просится в земное.
И не к душе, и не к лицу
Воспеть прилюдно аллилуйю –
Не скажешь ничего отцу
Своим прощальным поцелуем.
За гробом покаянья нет,
Как нет в могильном грунте света:
Исход один, и в нём ответ,
Который там, за гробом где-то.
Слезами горю не помочь –
Стенайте, плачьте, голосите…
А мне бы силы… Превозмочь,
Перестрадать, пере… простите.

* * *

Здравствуй, папа… Вот мы и свиделись.
В первый раз. Ничего, что во сне.
Ты всё в том же последнем свитере,
И на улице всё ещё снег.
Всё на свете за этой комнатой
Замело, залегло, затекло –
И над миром скорбящий колокол
Безголосо звучит за стеклом.
Тени прошлого, тени утлые
Между книжных нетронутых ниш –
Здравствуй, папа… Нет, я не путаю,
Если в кресле ты рядом сидишь.
Но молчишь – и молчишь загадочно,
Оберегом в тревожной ночи.
Здравствуй, папа… И мне достаточно,
Что ты рядом. Но ты – не молчи.

Помню, лапник с убогими шишками
Лёг под первый могильный венок –
Если были и есть ожившие,
То, наверное, только в кино.
Если веровать во Всевышнего,
То хотя бы качни головой.
Я проснулся, но помню – слышал же:
– Все поймёшь – ты ещё молодой…

* * *

Георгию Андреевичу Будину
посвящается

Мой дед погиб под Старой Руссой
В нещадном Дёмином котле,
Среди лесов, болот и гнуса,
Во тьме войны – кровавой тьме.

Там с сорок первого и далее
Был каждый лист подошвой смят,
И на свинец солдат кидали,
Как на заклание ягнят.

Скрипели гусеницы танков,
Кромсая рёбра под собой –
Не все безвестные останки
В могилы собраны судьбой.

И на болотах в топком иле,
В желе, где сгинет даже бес,
До сей поры находят «Илы»,
Огнём упавшие с небес.

Порой без смертных медальонов,
В которых выржавел металл,
С землёй сроднились миллионы.
А впрочем, кто тогда считал?!

И дед погиб – осталась дата.
Среди бесчисленных имён
Стоит лишь памятник солдату,
Который в яме погребён.

Он смерть нашёл в деревне бренной.
Деревня! Думал ли о ней?
Поставьте памятник деревне –
Как рудименту наших дней.

Поставьте памятник Отчизне –
Её великий голос смолк
В чужеголосье сытой жизни,
Не признающей слова ДОЛГ.

Нам Бог – судья! Живём в искусе,
Но я – не спившийся мужик.
И буду помнить в Старой Руссе
Клочок земли – там Русь лежит.

СТЕНЫ

Четыре замкнутых стены –
Холодный склеп чужой квартиры.
Немая тяжесть тишины
И замурованного мира,
Где веет прошлым из щелей
И нет хозяйки тёти Лены,
А из распроданных вещей
Диван без ножки, стол...
И стены.
Пугает стоном в пустоте
Скрипучий голос половицы,
Хоть годы вроде бы не те,
Чтобы поверить в небылицы.
Но не по-детски страшно мне
От поминальной личной тризны,
И плющ, засохший на стене,
Как жуткий символ чьей-то жизни.

* * *

Скоро пенсия. Скоро, вроде…
Но морщины лицо сомнут,
И бюджет в пенсионном фонде
Разворуют за пять минут.

То дефолт, то особый случай
Проверяют хребет на сгиб –
От бодяги не станет лучше,
Даже если втирать в мозги.

От реформы – шаги до гроба.
Сомневаюсь, что доживу
До бесплатного бутерброда –
Это русское дежавю.

Верить хочется, но не верю
В благодушие бытия…
Горделиво закрою двери,
За которыми только я.

И пошлю все надежды к чёрту –
Прометей не порвал оков.
Нате, клюйте мою печёнку –
Что мне пенсия от божков.

* * *

Замечаю и сам, между прочим,
Без усмешек дворовых друзей –
Отъевропил невидимый зодчий
Всю Москву под крутой Колизей.

Там, в посудине амфитеатра
Из домов и рекламных огней,
В гедоническом призрачном завтра
Не приемлют духовных корней,
Ибо хлеба и зрелищ навалом
Со времён отсечений голов –
Перенял от Европы немало
Наш московский родной уголок.

Беззащитны кремлёвские башни,
Где и царь, и генсек восседал,
И мне страшно, поистине страшно
За Отечество и за себя.
И молюсь я, рождённый из плоти,
Под усмешки дворовых друзей
За страну на фатальном излёте,
Где гортанно шумит Колизей.